

УДК [730+821.112.2.09]:929 Роден, Рильке
ББК 85.13(3)-8+83.3(4Гем)-8
К66

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат ООО «Издательство АСТ». Все права защищены. Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Rachel Corbett
YOU MUST CHANGE YOUR LIFE
The Story of Rainer Maria Rilke and Auguste Rodin

Перевод с английского языка
Т.М. Славниковой (Вступление, главы 1–10)
и Н.В. Екимовой (главы 11–19)

Корбетт, Рейчел

К66 История Рильке и Родена. Ты должен измениться/Р. Корбетт; пер. с англ. Т.М. Славниковой и Н.В. Екимовой — Москва : Издательство АСТ, 2019, — 352 с. — (*Моя жизнь*).

ISBN 978-5-17-109286-3

Эта книга – портрет двух художников, блуждающих по лабиринтам парижских улочек в поисках своего пути к вершине мастерства. Но больше она о том, как желание творить помогает юным художникам преодолевать самые опустошительные детские травмы и созидать любой ценой. «Ты должен измениться» – это не просто творческий приказ, полученный самим Рильке, но и приказ, который он отдает всем скованным, ранимым молодым людям с жадно горящими глазами, людям, которые однажды надеются робко занести руку с инструментом и броситься в бой.

УДК [730+821.112.2.09]:929 Роден, Рильке
ББК 85.13(3)-8+83.3(4Гем)-8

ISBN 978-5-17-109286-3

- © 2016 by Rachel Corbett; Печатается с разрешения автора и литературных агентств Larty Weissman Literary, LLC и Prava I Prevodi International Literary Agency.
- © «Издательство АСТ», 2019

Вступление

Впервые я прочитала «Письма к молодому поэту» в двадцать лет. Тонкий томик в твердом переплете с золотым тиснением названия на обложке мне дала мама. Имя автора удивляло и притягивало – Райнер Мария Рильке.

В то время я жила в обычном университетском городке на Среднем Западе, в бесцветном мире банальных трудностей и заурядных сверстников. Ни я, ни мои знакомые не собирались зарабатывать литературным трудом. Надвигался выпускной, но точно стремилась я лишь к одному – уехать. Только вот ни денег, ни четкого направления у меня не было. Мама сказала, что для нее в молодости «Письма» стали некой отдушиной и, вероятно, могли прийти по душе и мне.

Когда тем вечером я читала книгу, мне чудился шепот длинных немецких предложений, где звучали все те слова поддержки, в которых так нуждаешься в юности. «Одиночество – лишь растущая вокруг пустота. Верь сомнениям. Пе-

чаль – это жизнь, чьи объятия несут перемены. Ищи убежище в одиночестве». Я осознала, что все плохое можно перевернуть с ног на голову: нет стремлений – нет ожиданий, нет денег – нет обязанностей.

Оглядываясь назад, я понимаю, что советы Рильке могут восприниматься несколько легкомысленно. Но едва ли стоит его в этом винить. Ему было всего двадцать семь, когда он написал первое из десяти писем молодому поэту девятнадцати лет, Францу Ксавьеру Каптусу. Разве полагал Рильке, что их соберут в каноничную книгу «Письма к молодому поэту», которую станут в равной мере цитировать на выпускных, свадьбах и похоронах и признают едва ли не самой претенциозно-интеллектуальной книгой практических советов всех времен?

Пока неопытный поэт направлял слова, слова направляли его самого, и перед нами разыгрывалось становление творца. Книга не утрачивает своей привлекательности потому, что в ней воплотился дух возбужденных перемен, которые ее создавали. Возьми ее в пору любых невзгод, открой наугад страницу, и непременно найдешь утешения, сказанные как будто для всех разом и лишь тебе одному.

И хотя историю рождения «Писем» сейчас знают многие, мало кому известно, что мысли, которые Рильке направлял Каптусу, нельзя назвать исключительно его собственными. Поэт начал переписку после переезда в Париж в 1902 году, куда перебрался, чтобы написать книгу о своем кумире, скульпторе Огюсте Родене. По

Вступление

мнению Рильке, первозданные необузданные чувства в творениях Родена – жадная страсть «Поцелуя», отчужденность «Мыслителя», трагическое страдание «Жителей Кале» – влияло на души молодых творцов по всему миру.

Роден пребывал на пике сил, когда открыл неизвестному поэту двери в свой мир; сначала Рильке вошел в него в качестве назойливого ученика, а спустя три года и в качестве самого доверенного помощника. И все это время он записывал изречения и остроты своего учителя, а затем в измененном виде они часто доходили до Каппуса. Как итог, голос Родена отчетливо слышится на страницах писем, его мудрость эхом переходит от Рильке к Каппусу и к миллионам жаждущих молодых людей, которые читали «Письма» в последующее столетие.

За годы жизни я не раз краем уха слышала, что Рильке довелось поработать с Роденом. Никаких подробностей не сообщалось, кроме этой ничтожной малости, но и она рождала в моем уме любопытство. Эти две личности настолько отличались, что никак не походили на жителей одного континента и одной эпохи. Роден – здравомыслящий француз, разменявший седьмой десяток, а Рильке – романтичный немец за двадцать. Роден – материалист, полагающийся на ощущения; а Рильке – идеалист, опирающийся на духовность. Творения Родена низвергали в бездну, а Рильке – возносили в обитель ангелов. Но вскоре я поняла, насколько тесно переплетались их жизни: твор-

ческое развитие одного отражалось в другом, а их характеры, кажущиеся полярными, дополняли друг друга – будь Роден горой, то Рильке стал бы окутавшим ее туманом.

Мои отчаянные исследовательские попытки понять, как эти две личности – старик и юноша – находили понимание, привели меня к эмпатии. То, что сегодня мы знаем как способность сопереживать чужим чувствам, зародилось в качестве явления философии искусства, призванного объяснить, почему определенные картины и скульптуры вызывают у зрителей отклик. Рильке изучал это понятие в университете, когда оно только входило в обиход, а вскоре оно стало широко использоваться в фундаментальных трудах Зигмунда Фрейда, Вильгельма Воррингера и других выдающихся мыслителей того времени. Появление термина «эмпатия» отражается во многих климатических сдвигах в искусстве, философии и психологии Европы «конца века», оно изменило само отношение творцов к своему творчеству, а также отношение к искусству зрителей последующих поколений.

Стоит сосредоточиться на схожести Родена и Рильке, тут же проступают разногласия между ними, которые в конечном счете их и развели. Их отношения с женщинами и то, какое место они отводили женщине в обществе, сыграло важную роль в их видении друг друга. Обоих привлекали целеустремленные, независимые женщины, но, в конце концов, женились они на тех, кто жертвовал собственными стремле-

Вступление

ниями ради мужа. Роден нередко предостерегал Рильке: женщины по своей природе склонны к манипуляциям, чтобы отвлекать мужчину от его занятия; и долго время Рильке безоговорочно верил шовинистским взглядам наставника. Но смерть дорогой подруги поэта, чей художественный талант оборвала трагическая беременность, перевернула все представления Рильке о жертве на благо искусства.

И все-таки книга эта – портрет двух художников, бредущих по лабиринтам парижских улочек в поисках своего пути к вершине мастерства. Но больше она о том, как желание творить помогает юным художникам преодолевать самые опустошительные детские травмы и созидать любой ценой. «Ты должен измениться» – это не просто творческий приказ, полученный самим Рильке, но и приказ, который он отдает всем скованным, ранимым молодым людям с жадно горящими глазами, людям, которые однажды надеются робко занести руку с инструментом и броситься в бой.

Закрыв мамин томик «Писем к молодому поэту», я прижала книгу к груди с чувством, какое бывает всякий раз, когда заканчиваешь то, что навсегда оставляет глубокий след. Затем я вновь открыла ее и на форзаце увидела дарственную надпись. «Письма» подарил маме друг, когда она, будучи примерно моего возраста, переживала свой собственный переходный период. Мамин друг перенес на форзац одно из самых известных высказываний Рильке. «Может, все драконы нашей жизни –

Рейчел Корбетт. История Рильке и Родена

на самом деле принцессы, которые просто ждут от нас поступков, хотя бы одного, благородного и прекрасного. Может, то, что нас пугает, – это нечто беззащитное в своей сути, жаждущее нашей любви».

«Дерзай, – как будто призывала надпись. – Мчись навстречу неизведанному. Ступай, куда не зовут, и не останавливайся».

Часть первая

ПОЭТ И СКУЛЬПТОР

Глава 1

Долг всякого художника – научиться видеть, но юный Огюст Роден прозрел по-настоящему. В пансионе он постоянно щурил глаза, но только после пяти лет учебы разгадал, почему расплывается доска, – виной тому близорукость. Часто, не желая слепо таращиться в пространство, Роден обращался к окну, на Бове, древний городок на севере Франции, где безраздельно царствовало одно здание – грандиозный собор Святого Петра.

Наверное, ребенку он виделся чудовищной громадиной. Возведение выдающегося образца готики, задуманного одним из самых высоких соборов Европы: вместе с шатким пирамидальным шпилем он возвышался бы над землей на полторы сотни метров, началось в 1225 году. За три столетия здание дважды обрушалось, и в 1573 году строительство в конце концов забросили. Но место все равно было удивительным – воздушный замок из камня, стекла и железа.

Жители Бове проходили мимо собора равнодушно, хотя, вероятно, неосознанно и отмечали его

исполинские размеры. Юного же Родена созерцание спасало от удручающей действительности уроков. Влекла его вовсе не вера, а исписанные преданиями стены, живущая под сводами темнота, линии, арки, свет и тень – все это гармоничным согласием напоминало ему человеческое тело. Вытянутый позвоночник нефа с ребрами нервюрного свода, раскинутые подобно крыльям или рукам аркбутаны, а посередине, как человеческое сердце, – средокрестие. Штормовые ветра с Ла-Манша раскачивали столбы-устои, и, казалось, что тело это в вечном движении ищет равновесия.

В силу возраста, мальчик не понимал архитектурной логики этого строения, но в 1853 году он покинул пансион с твердым убеждением: настоящие знания дал ему лишь собор Святого Петра. Потом он не раз возвращался сюда и, с благоговейным трепетом «далеко запрокинув голову», исследовал своды и воображал обитающие в стенах секреты. Вместе с верующими он молился в соборе, вот только не Богу. Форма – вот чему нужно молиться, перед чем преклонять колени, думал он.

Франсуа Огюст Рене Роден родился в Париже 12 ноября 1840 года. В этот год, ставший знаменательным для будущего французского искусства, также родились Эмиль Золя, Огюст Редон и Клод Моне. Только всходили эти ростки Прекрасной эпохи на истощенной, холодной почве. Во время монархического правления короля Луи-Филиппа I в Париже, оглушенном Промышленным переворотом и Великой французской революцией, властвовали порок и нищета, о чем рассказывается в «Цветах зла»

и «Отверженных». Новые производства привлекали сотни приезжих, но город не справлялся с их наплывом. Чужаки набивались в тесные квартирники, делили кровати, еду и болезни. Нечистоты переполняли канализацию, и по узким средневековым улочкам, множась, текла зараза. Толпы людей разносили холеру и сифилис, а нехватка пшеницы за пределами взвинтила цены на хлеб, отчего резко увеличилась пропасть между бедняком и крупным буржуа.

Город отчаянно боролся с растущим числом нищих, проституток и беспризорников, и отцу Родена, служившему в жандармерии, всегда находилась работа. Как и противоречивый сыщик Жавер в «Отверженных», Жан-Батист Роден охранял улицы Парижа от сутенеров и куртизанок во время Июньского восстания 1832 года, а затем и во время революции 1848–1849 годов, когда монархия окончательно пала. Родену-старшему, властному и безупречно честному, работа подходила, и он постепенно продвигался по службе.

Когда в 1848 году на улице Сен-Жак выросли баррикады, Жан-Батист вместе с женой Мари, работавшей швеей, отправили восьмилетнего Огюста в Бове, в школу-интернат. Там хрупкий рыжеволосый мальчик спокойно пережил кровавые восстания, охватившие Париж, где Бодлер мчался по улицам, размахивая ружьем, а Бальзак едва не умер от голода.

Огюст не преуспел в учебе. Он прогуливал уроки и получал плохие отметки, особенно по математике. Однако улучшающееся служебное положение отца обязывало к подобающему образованию, и такое давали в Бове, хотя оплата обучения и легла непосильной ношей на плечи семьи. Но все же спустя пять